

ГЛАВА 1

За четыре дня до того, как страусы перестали класть яйца, бабушка Хелен погибла в аварии, которую объявили несчастным случаем, хотя меня такое заключение не убедило. Трагедия произошла в воскресенье, когда почти все местные жители были в церкви и только тяжелые грузовики с ревом неслись навстречу бабушкиному пикапу по шоссе, пролетали мимо один за другим, пока прицеп с помидорами из Сакраменто не оказался слишком притягательным.

У бабушки не было никаких назначенных встреч или других планов, требующих поездки жарким июльским днем по пустыне Мохаве. Перед выходом из дома она не кричала мне с первого этажа, не нужно ли купить что-нибудь в городе. Последнее, что я слышала, — звон ключей, когда она забирала их со столика, и стук закрывшейся за ней входной двери. А через несколько часов мне позвонили.

— Таллула? — нерешительно прозвучал в трубке низкий голос. — Это шериф Моррис. Извини, что

приходится сообщать тебе об этом по телефону, но я хотел, чтобы ты узнала о случившемся от меня.

И я все поняла. Сразу. В воображении представилась сцена: бабушка Хелен выворачивает полными руками руль, пикап вылетает через двойную сплошную на встречную полосу узкого шоссе, и, прежде чем все превращается в груды покоруженного металла, кабину наполняет гробовая тишина и время замедляется.

— Ты меня слышишь?

Дневной свет просачивался в дом через выцветшие желтые занавески. Коричневые плитки столешниц поблескивали.

— Да, — ответила я. — Спасибо, что позвонили. — И повесила трубку.

Стены маленькой кухни стали давить на меня. В груди что-то болезненно сжалось.

Я с трудом протиснулась через входную дверь и тяжело опустилась на ступени крыльца, глядя на холмистый простор пустыни. Знойный сухой воздух обжигал мне горло и опалял губы. В загоне, грациозно вышагивая длинными мясистыми ногами, расхаживали друг мимо друга страусы. Наша старая овчарка, пес Хенли, семенила по направлению к своему любимому прохладному уголку в амбаре. Листва орехового дерева шуршала от легкого жаркого ветерка. А бабушка умерла.

Как странно, что один телефонный звонок от едва знакомого мне человека может стереть бабушку из моей жизни. Казалось, вот-вот она выйдет из амбара, потирая костяшкой пальца складку между

бровями и ворча по поводу мышей, снова посягнувших на запасы еды. Но она не появлялась.

Солнце подкрадывалось к фиолетовым скалам хребта Сан-Гейбриел на западе. Свет теперь падал косо, тени удлинились. Наконец в конце почти километровой гравийной подъездной дорожки показался минивэн тети Кристины и, приблизившись к дому, остановился в тени орехового дерева.

Тетя, на восьмом месяце беременности, выплыла с водительского сиденья так же медленно, как мед сползает с ложки. Она опиралась на автомобиль, пока крепко не встала на ноги, затем с широко расставленными руками повернулась ко мне:

— Таллула, дорогая!

Свободного покроя платье в бледно-розовый цветочек плотно обтягивало ее живот.

Я позволила заключить себя в объятия. По щекам текли слезы. Тетя похлопала меня по спине и проговорила:

— Все хорошо, — хотя мы обе знали, что в смерти человека ничего хорошего нет.

Затем она обняла меня за талию и повела в кухню, где наполнила водой чайник. Жара не располагала к чаепитию, но прохлада, которую давал кондиционер, кажется, позволяла пренебречь обыкновением. В качестве успокоительного тетя добавила в заварку ромашку. Тетя Кристина двигалась с полнейшей уверенностью, как будто вместе с новостью о гибели главы семьи получила список инструкций.

Потягивая чай за кухонным столом, мы с ней могли бы сойти за сестер. Она всего на шесть лет

старше меня: младшую дочь бабушка неожиданно родила, когда уже считала, что ее детородный возраст миновал. Я же, зачатая матерью-школьницей, стала менее желанным сюрпризом. Волосы у меня длиннее, чем у тети Кристины, и светлее, поскольку выгорели на солнце, а кожа по той же причине темнее, но овал лица, тонкие губы, изогнутые, почти незаметные брови у нас с ней почти одинаковые.

Тетя вынула из своей кружки чайный пакетик, бросила его в мусорное ведро и, перегнувшись через огромный живот, убедилась, что пакетик попал куда надо. Все так же деловито двигаясь, она перебрала лежавшие на столах предметы, пока не нашла бабушкину телефонную книгу — старинный блокнот с золотыми буквами-закладками на черном фоне. Тетя открыла страницу на нужной букве, провела наманикюренным ногтем по списку, пока не нашла нужное имя, и набрала номер.

— Лиззи, — сказала она в трубку, — это Кристина, дочь Хелен. Боюсь, у меня плохие новости. Случилось несчастье. — Когда она повторяла все то, что сообщил мне шериф, голос у нее немного дрожал.

Чувствуя, как холодеют руки, я неотрывно смотрела на свою нетронутую кружку и слушала, как тетя обзванивает десяток людей, снова и снова объясняя им обстоятельства несчастного случая. И каждый раз, слыша это выражение, я испытывала все большие сомнения.

Когда я окончила среднюю школу в Викторвилле, бабушка Хелен уговорила меня не поступать

в колледж, как мои друзья. Она даже немного повысила мне плату за работу на ранчо, и поначалу я торжествовала: вот я зарабатываю деньги, а мои товарищи вязнут в долгах, — но со временем, просматривая их страницы в соцсетях, поняла, что они развиваются, тогда как я годами занимаюсь одним и тем же, и стала нервничать.

В конце концов я нашла вакансию в Службе охраны лесов и послала туда резюме, но бабушке ничего не сказала, пока меня не пригласили на собеседование. Когда же я ошарашила ее этой новостью, она бросила вилку, не доев свой ужин, и вышла из комнаты. Мы даже не спорили. Я спокойно вымыла тарелки. Я была готова к тому, что она расстроится. Ничего, это пройдет.

Я сдала экзамен на профпригодность, и тут ее возражения полились рекой. Бабушка упорно настаивала на том, что я необходима ей на ранчо, но я понимала: дело не столько в объеме работы, сколько в самом факте моего отъезда. Бабушка могла нанять кого-то на мое место, причем за меньшие деньги, но она надулась и несколько дней не разговаривала со мной.

Только когда я получила письмо, сообщающее, что меня временно прикомандировали к пожарной команде в Монтане, бабушкин гнев вырвался на поверхность и мы поругались. А уже на следующий день я сидела на кухне, потягивая чай и слушая, как тетя Кристина обзванивает родных и близких и сообщает об аварии, унесшей жизнь бабушки Хелен. Черт бы побрал эту аварию.